

НЭП. 20-Е. НАЧАЛО

На исходе сырой осени первых лет НЭПа на подходе к ростовскому порту сгорел пассажирский пароход «Советская республика», бывший «Цесаревич», бравший на борт больше сотни пассажиров. Последствия этот пожар имел самые разные, большей частью совсем неожиданные. Такие, как наградной револьвер системы Нагана, который достался сотруднику Донской народной милиции не в награду, а скорее по случаю.

Платон¹ считал, что память подобна воску, на котором отпечатываются все предметы. Забывание же похоже на стирание отпечатков. Он был не прав. Те осенние дни в Ростове я помню лучше, чем случившееся вчера. Разве нет памяти о прежнем? Остановись, подними голову и увидишь на стене рекламный проспект, где

¹ Платон, афинский философ, основатель школы мысли.

изображен не самый новый носовой платок, а на нем навязанные узлы — для памятности. По ширине плаката идут большие кричащие буквы: не забыть! Не забыть! Рисованный этот платок с узлами — популярная в бывшей империи реклама. А кричит она, убеждая покупателя, что «гильзы Катька» для папирос лучшие в мире и необходимо непременно их сразу же приобрести. Не забыть! Итак, завяжи на платке узелок, вот и вспомнишь нужное.

Остановимся. Вспомним. Что же нужное? Самое первое?

*На бой,
На грозный бой*

Пожалуй, в начало картины поставим колонну, которая выходит из-за поворота Красноармейской улицы, бывшей Скобелевской. Сотни голосов гремят, выводят единый ритм, шаг в шаг. Ростовский шальной ветер рвет из рук демонстрантов транспаранты, сминает буквы, плакаты качаются над толпой, держась энергией и силой не рук — голосов.

*На бой
Вставай, народ-титан!*

Дождь давно кончился, но небо морщится, раздумывая, не пролиться ли снова. Осень на юге поздняя, не слишком холодная, но с не-

пременными ливнями, черной густой грязью, плотными туманами по утрам. В полинялом небе черные кресты кричащих галок. Ранние прохожие — кто со свертком, кто с портфелем, кто без особого дела — любопытствуют в сторону колонны демонстрантов, толпятся на тротуаре. Среди них один уж очень бойкий гражданин пристраивается к сверткам, присматривается к портфелям. Руки он, впрочем, держит в карманах военной куртки явно с чужого плеча. Одет не по погоде, нелепо даже по нынешним удивительным временам, а на ногах и вовсе истоптанные парусиновые тапочки. Заметив, что я смотрю на него, бойкий гражданин отворачивает лицо, пряча его под козырьком драной фуражки-капитанки. Это определенно жулик, гольчик или мазурик — молодой вор. Самый незначительный тип, обычно презираемый среди карманников, таскает из корзин мелочи, провизию, сыпучий товар. Вполне определенно можно сказать, что бойкий гражданин из шпаны, которая дежуриет неподалеку.

*Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой!..*

Под широкой аркой двора табачной фабрики, бывшей Асмолова, шагают демонстранты.

Мимо меня и прохожих на тротуаре плывут выведенные белой краской слова «Выше знамена мировой революции!».

На бой, на бой!..

На «бой» шагающие приналегают и выходит протяжно. Демонстрация широкая, во всю улицу. Прохожие расступаются, пропуская колонну, жмутся к стене фабрики. Шагнув в ногу со всеми, я, кажется, ступил в хорошую лужу. Но времени зайти домой переодеться и хотя бы выпить чаю уже нет.

На бой, на бой!..

Я так устал, что на минуту прислоняюсь к теплой кирпичной стене. От нее тянет резаным табачным листом. Фабрика снова работает. Отсюда началась большая стачка рабочих. Ходила об этом частушка. Асмоловские девушки просили пятака. Асмолов рассердился, послал казака, было дело. Фабрика, само собой, национализирована. Слова песен сейчас другие. Новая власть здесь, на юге, больше не новая, а окончательная.

На бой, на бой!..

Завяжи еще один узелок, чтобы не забыть. Март тысяча девятьсот семнадцатого. Император Николай Второй подписал

отречение от престола за себя и за сына. Создано Временное правительство, во главе встала партия кадетов. Распущена полиция и жандармы, объявлена всеобщая амнистия. По Лубянской площади в Москве запели, зашвистели пули. Юнкера защищают Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Часы на Спасской встали, на циферблате на месте римской двойки — дыра от снаряда. Двойка — первое число, означающее единство, она символизирует грех, отклонение от изначального блага.

Ударило красное кресало, горит, разжигая пламя пожара из искр. В Петрограде вооруженное восстание, взят Зимний дворец. Временное правительство арестовано. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа объявила Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Частная собственность на землю отменена, банки национализированы. Декларация пропечатана в газете «Правда», и снова акцент на двойке — выпуск № 2. Газету читают прямо на улице, и еще только скомкана она, еще только торговка сворачивает из нее фунтик под подсолнухи для солдата, как уже ясно, что бои и баррикады на улицах, стрельба, бессонные темные гулкие ночи, смерти и страхи отпечатанным документом не кончатся. Смутное время.

В Самаре сформирован Комуч¹ из эсеров, объявивший себя единственной законной властью. В Москве и Петрограде — Союз возрождения России, набирает силу казаческое антибольшевистское движение на Дону и Кубани, на юге вступают в Добровольческую армию.

Еще узелок. Июль 18-го года. По сообщению московской газеты «Жизнь», красноармейцами убит отправленный куда-то из Екатеринбурга бывший царь, а ныне простой гражданин Николай Романов. О судьбе царской семьи сведений нет. На улицах кто плачет, кто припустит «Крышка» и «эх, брат Романов, доплясался», а кто горячится «не нужно верить слухам». Напрасно спорит. Слух верный.

Кричат агитплакаты: «Одна рука, чтобы молот бил, другая — белых бить!» Республика освобождается от «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Красный террор, белый террор. А есть еще и зеленые? А об отрядах анархиста Махно на Украине слышали? Или они зеленые и есть? Германия оккупировала Украину. Англия, Франция и США высадились в Мурманске, Япония разместила войска на

Дальнем Востоке. Метет, метет по всей земле. Пулеметная пурга Гражданской лепит, заносит города, села. Между рядами один и тот же глас: кто не за нас — тот против нас! А тому, кто не белого, не красного, не зеленого цвета — куда деваться? Пожалуй, что и некуда. Вот разве в тифозный барак. Вошь и смерть — друзья-приятели. Смерть тут рядом — в кармане и на аркане. Умерших от сыпняка свозят в цеха заводов, складывают поленницей. Не хватает врачей и лекарств. Холодно и темно в Москве, в Петрограде. А если свет в окне — это нехорошо. Особенно если горит всю ночь. Свет — значит обыск. Новый, 1920 год встречают призывом «напрячь все силы по очистке ж. д. путей», снежные заносы приостановили подвоз к Москве хлеба и топлива. И — побежали на юг. Примадонны, генералы, миллионеры, жулики и князья. Бладобрей при гостинице помадит усы белым и красным боевым командирам, без разбора. А как разберешься в них, когда целыми корпусами переходят войска с одной стороны на другую? Звенит ростовский трамвай. Красный ты или белый, а ехать всем нужно. Кондуктор не берет ни деникинских, ни других денег — нет смысла, власть меняется, как погода. Афишные тумбы говорят заголовками газет:

«Закупки хлеба и сахара за границей».

«Финансовая катастрофа в Германии, Берлин волнуется».

Красная — до неба — пыль. Отступление, эвакуация из Крыма. Корабли, груженные страхами, ушли, увезли тех, кто рушащееся оплакивал, — помещиков, офицеров, мещаночек и дворян. В новой стране нет сословий. Все теперь товарищи по новой судьбе. Мир старый сгорел. В дыму и пламени родился новый. Химическим карандашом аккуратно отметим на карте свежее, с иголки название — РСФСР. Мирный договор между Советской Россией и Финляндией нарисовал государственную границу между странами, теперь эта земля чужая. Вычеркнем территории Польши. Как-то там теперь варшавский сыск и знаменитые воры? Впрочем, последние, думается, не горюют. Независимы Латвия и Эстония. Обрисуем иначе, чуть убавим, чуть прибавим и вот уж окончательно на карте — СССР. Первое социалистическое государство планеты.

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц. В армянском городе Нахичевани скovyривают с постамента бронзовую Екатерину. Народ смотрит, но помогать не спешит. Памятника больше нет. Куда-то пойдет фигура? Переплавят на сковороды.

Обыватель за политикой не успеваает. Бросили бы стрелять друг в друга и хорошо. Однако и это пока не сбывается. Гражданская вроде кончилась, но когда вздохнуть, когда осмотреться? Декреты, бандиты, уплотнения. Железными зубами время грызет человека. Со вздохом припоминает новый советский служащий споры на даче о политике, о реформах, о постройке нового мира. Ну да что вздыхать? Мир строится. Дача сгорела, а может, взята под нужды молодого государства. В бывшей столовой идет диспут рабочих со «Смычки» о международном положении. Дачный собеседник, если уцелел, в Константинополе или в Париже — служит «дансэр де ля мэзон»¹ пожилым американкам. Революция и на Страстном монастыре начертила: «Не трудящийся не ест». Нужно добывать службу, паек. Старые газетные новости ободрали, заклеили свежими.

Определенно и окончательно ясно — никакой империи больше нет. Не существует и этой бывшей части ее — области Войска Донского. Упразднена. Вместо этого теперь Донская область, с центром в Ростове. Пала империя, подмяв под себя чины, и сословия, и даже грамматику — отменив «яти». Но что яти? Улица говорит другим языком — по-деловому, без сантиментов. Кричит лозунгами, поет протяжно,

¹ Партнер для танцев.

шагает, чеканя шаг... Не дремлет враг! Новое время спрессовывает, сплевывает слова. Бывает, что гражданин-товарищ некоторое время стоит у вывески, морщит лоб, пытаюсь разгадать, что это за учреждение. Исполком, Рабсила, Комбед. Сохнет свежая краска на вывеске бывшей «Часовой торговли Майзеля», теперь там три буквы — ЕПО. Бедняга шевелит губами в усилении, читает подсказку мелким шрифтом: ЕПО. Единое потребительское общество. Вот оно что! Стало быть, как раньше — торговля? Как раньше, да не так. И часы в магазине, бывшем коммерсанта Майзеля, как будто стучат скорее. Сбиваются с темпа «лисьего шага» фокстрота — четыре такта та-та-та — на революционную речовку. Неразбериха. Однако сам коммерсант еще здесь, только вывеску сменил. Стережется бандитов, ругает большевиков вполголоса, надеется на лучшее — НЭП. Еще одно сокращение — новая экономическая политика. У двери магазина, из которой торчит голова приказчика, а по-новому торгового служащего, ветер кружит крошечный серый смерч. Пыль, пыль повсюду, беда этого города в степи. Колонна демонстрантов попирает пыльные смерчи. Картузы, платки, несколько чудом сохранившихся гимназических фуражек, без гербов, с рваным околышем. Девушки с астрами в руках, с лицами с полотен итальянцев — одухотворенные, нежные, тонкие голоса в общем хоре.

*Не устрашит нас бой суровый,
 Нарушив ваш кровавый мир...
 На бой, на бой!..*

Красноармейцы несут лопаты. Летят листовки — призыв выходить на субботники. Они часты, город все еще смотрит дырами, черными горелыми окнами. Мимо меня, прохожих и старух, торгующих на тротуаре чесноком, тыквенными семечками и халвой в бумажках, пролетают слова лозунга, прицепленного к борту «Форда»: «Да здравствует освобожденный труд». Улицу заволокло бензиновой вонью. Прямо на меня смотрит пустыми глазницами свиная голова, воздетая на палку, — эксцентрический протест против мирового голода. Старухи широко крестятся, мелко плюют на тротуар. Единым шагом колонна сворачивает за угол длинного дома в конце улицы. За демонстрантами с криками бегут мальчишки.

Торговки оживляются, тянут вперед свой товар. Подозрительно бойкий гражданин вертит в пальцах медную гирьку — приметное движение, ловкие пальцы. Явно способен построить карьеру! Есть задатки вырасти в профессионала не хуже известного вора Полонского, умеющего вынуть брегет из чужого кармана только затем, чтобы узнать, который час. Бич нового общества, беспризорники, здесь прут со страшной силой, как бурьян. Едут на юг, цепляясь к вагонам, на крышах. Тепло, можно

спать на улице, в садах спеют местные абрикосы — жердела, вишни. Родителей убили или пропали в Гражданскую... Беспризорников собирают в школы-коммунны, на деле нечто вроде исправительной тюрьмы. Мы держим шефство над такой школой. Толку не много. Бывает, даем шефский концерт, а на другой день милиционеры ловят наших зрителей на улице. Может, и этот тоже из... подшефных.

Звон, грохот. К Дону проносится пожарная команда, за ней карета с крестом от бывшей Еврейской больницы. Прохожие передают слухи: в порту пожар! Горят склады. Тут наперерез другой слухок — баржа с грузом загорелась прямо на воде. Солидный гражданин, засмотревшись, роняет на землю портсигар. Оступившись, неловко толкает бойкого. Тот теснит прохожего, цыкает зубом.

— Эй, дядя! — оглядывается и смеется. — Ты на пузо-то налог платишь?

Запел и завертелся:

— У буржуев тьма тревог,
На сердце — обуза,
Говорят, введут налог
На большие пуза!

Протяжно свистит и продолжает напирать.
— За пузом-то тебе земли не видно. Смотри, как идешь. Форс-штиблеты мои не мызни, — легонько подталкивает ротозея в спину.

Портсигар на тротуаре, весело ловит солнце, раззявив блестящий рот. Налетевшие бес-

призорники хватают рассыпавшиеся папиросы. Быстро, как пожар в порту, разгорается ростовский уличный скандал. Старухи приподнимаются с мест, не бросая из виду товар. И тут же по ушам бьет женский крик:

— Толкнул! И те набежали. А он хватъ масло и бегом!

Какая-то тетка рыдает с подвоем:

— Сверток! Кулек мой! Там все! Масло, масло!

Тетку усадили на стул старухи с халвой, сидит, широко расставив ноги. Мотаает головой, как водовозная усталая лошадь. Крики — туда побежал, милиция!

Я проталкиваюсь за бойким, догоняя демонстрантов, путаясь в их спинах. Фуражка-капитанка мелькает впереди, сворачивает в подворотню. Пятно света в кирпичной арке, поворот, двор. На центральных улицах особняки выстроены так, что проходными дворами можно пройти несколько кварталов. Двор увешан пестрым бельем, я продираюсь сквозь него, как через лес. Мешают низко висящие веревки. Из подвала выскочила собака, зашлась истерическим лаем. За широкой простыней угадываю силуэт, ловлю чужую руку. Вор на деле совсем мальчишка! Чуть ослабляю хватку, он дернулся и — рванул, верткий, как уж. Лабиринт ростовских внутренних дворов, одна подворотня, вторая. Минотавр завоюет в этой пуганице летних кухонь, сараев, ледников, конюшен и лест-

ниц! Очередной двор, на земле бумажный ком! Бросил сверток? Тянусь поднять, но успеваю заметить, как в лицо летит осколок кирпича. На секунду я оглушен. Хватаю наугад, мне везет — молодой Люпен¹ у меня в руках. Осколок распорол кожу, но крови немного, царапина. Пока мы с ним тащимся через все подворотни обратно — он крутится и лягается.

— Пусти, дядя!

— Чего тебе бояться? Устроят в интернат. Хоть отъешься!

Мальчишка костлявый, верткий. Но слова дают обратный эффект. Уперся как осел.

— Лучше смерть! — крестится и машет свободной рукой. — В интернате бабские панталоны заставят носить. За ихову пустую марцовку такая обида?! Пусти, дядя!

Бабские панталоны, которые якобы выдают в приемнике, байка-пугалка для всех беспризорных, хотя действительно — горисполком реквизирует где-то дамское белье и выделит излишки интернатам.

Завыл — не пойду, пусти! Размазал слезы на грязном носу. Пробовал и кусаться. Пока мы таким манером дотащились обратно, пострадавшая тетка исчезла, как я ни искал. Улица занята своими делами. Черт его знает, что с мальчишкой делать.

¹ Арсён Люпен — «джентльмен-грабитель», главный герой романов писателя Мориса Леблана.

— Ты вот что, слухи эти глупые. В интернате тебе дадут поесть, выучишься полезному делу, профессии.

Ухмылка в ответ.

— Не той, которая есть у тебя, а настоящей.

— Дядя, ты болвашка¹, что ли?

Он заныл что-то еще, но я его не слушал. Трамвая нет. Куда тащить моего Гавроша, непонятно. В приемник? Оттуда он, конечно, сбежит. Мальчишка опять зашмыгал носом. Проклиная свою непедагогичность, я снова чуть ослабил руку, выпустил локоть, и он тут же рванул в ближайшую арку проходного двора. Я поздно догадался сунуть ему это не нужное никому масло. Тяжелая бутылка норовила вылезти из рук, скользкая, как этот жулик. Очень кстати — не торопясь, но отчаянно звеня, подкатил трамвай и повезло — я уцепился на площадке. Висящие рядом, как спелые виноградины на грозди, пассажиры с пониманием потеснились. Соскочив на остановке у бывших меблированных комнат Песецкой, я наткнулся на канцелярский стол — устраивалось общежитие для молодежи. Интересная брюнетка в мужской блузе попросила прикурить папиросу. Засмотревшись, я замешкался, даже похлопал по карману в поисках спичек. Проклятая бутылка с маслом полезла из-под руки, брюнетка рассмеялась и отвернулась. Обгоняя

¹ Милиционер.

тележку татарина с хлебом, я ускорил шаг у дома врача-отравителя Португалова, который, по слухам, угощал пациентов мышьяком. На тумбе мелькнула афиша новой фильма — боевика. Но рассмотреть некогда. Не останавливаясь почти бегу мимо массивного куба Соборной мечети (тусклая бирюза, одинокий минарет) по Скобелевской. Где-то здесь при старой власти в другой стране удирал по крышам знаменитый ростовский вор по кличке Черт. Говорили, он выдумал явиться на бал-маскарад к, шутка ли, городскому чиновнику. Прделано было дерзко, сам полицмейстер остался без часов с брелоком (тяжелые золотые слоники, массивная цепь), а пристав 4-го участка лишился пальто и хорошей шапки. Это вам не масло тягать! Хотя что сам Черт против новых бандитов? Младенец, рисовщик. Пожалуй, и лихие гастролеры из Варшавы, о которых обыватели в Ростове еще пару лет назад говорили с ужасом и невольным уважением, потеснились, стали прошлым. Дурная слава Ростова как города виртуозных мошенников и воров в последние годы сменилась на худшую.

Ростов... Что это за город такой? Сорняк на теле бывшей империи, пробившийся сквозь жесткую землю степи и расцветший великолепно. Начавшись с таможни, пристани и гарнизонной тюрьмы с карантинном, город протянул вдоль Дона корпуса мельниц и фа-

брик. Поднял краснокирпичные стены водочного и пивоваренного заводов, запустил чугунолитейное производство. Молодой уездный город, растущий не по указке властей, а по резонам выгоды и торговли, быстро опередил губернские. «Улиц нью-йоркская прямота», — сказано о нем. Ростов часто сравнивали с городами в северных штатах Америки. Сначала из-за деловой хватки ростовцев¹, сейчас еще и благодаря криминальной славе. Собранный из приезжих, город похож на американца и портретом — его строили, расчерчивая по принципу двух улиц: «На север с юга идут авеню, на запад с востока стриты».

Провели водопровод, телефонную линию, осветили улицы электричеством. Вместо конки — трамвай, все чаще лошади пугаются треска авто. А ведь еще недавно граница между Османской империей и Россией проходила по местной речке Темернику и те места, где сейчас стоят хатки и бараки, составляющие знаменитую Бессовестную слободку, были частью чужой империи. Кстати, жители этой самой слободки и по сию пору именуют себя турецкими выходцами, хотя Турции в жизни не видали.

Город-рисовщик, город-щеголь, Ростов необычайно выгодно построен, здесь в плоской степи сошлись пять дорог, почтовых трактов:

¹ До революции и долгое время после нее жителей Ростова-на-Дону называли именно так.

Одесский, Харьковский, Кавказский, Бахмутский и Черноморский. Потом дороги оделись железом — рельсы соединили Ростов с бывшей империей со стороны Харькова, Таганрога и Воронежа. А уж когда пустили Ростово-Владикавказскую чугунку, город укрепился как один из крупнейших железнодорожных узлов. Прибавим порт и таможню и получим магнит для любого бизнеса и мошенников. Как перекати-поле прибывало в Ростов самый разный народ. Тот был предприимчив, смел, не слишком отягощен предрассудками или моралью — как все конкистадоры. Богатели быстро. Споры возводили особняки, заводы и рестораны. Открывали клубы и магазины. Бордели и игорные дома. Строили город азартно, так же как играли в карты и на бегах, на спор, кто выше. Мелкие коммерсанты, бывало, задирая головы на многоэтажные доходные дома, в азарте яростно спорили — эх, перебьем! И перебивали. Местный миллионер и судовладелец Парамонов начинал торговлю со станичной лавчонки. А дом и шестиэтажную мельницу, как говорили, выиграл в покер. Больше за карточный стол не садился из боязни спугнуть удачу и стал «хлебным королем». Отправлял баржи с мукой в Италию и Турцию. Коммерсанты Ростова не смущались теснить Ригу, Харьков и Москву. Да что там, фабрики в тех же американских штатах заказывали продукцию местных шерстяных фирм, доверяя ка-

честву настолько, что не требовали образцы шерсти.

Греки, итальянцы, турки, русские — все уживались в городе, соблюдая главную и негласную договоренность: торгуй и дай торговать другим. Православные, раскольники, иудеи и магометяне — договаривались о сделках, не вмешивая веру. Быстро нажитые деньги требовали символической доли — вот и делились. Купец Яшин подарил городу свой парк, после из него вышел Городской сад. Миллионщик Троянкин завещал городу состояние. Однако ростовец не был бы им, если бы и на благотворительных начинаниях не искал бы, что там можно «взять». Город-делец.

Ростов с «его тысячеликою толпою» делился не по чинам и сословиям, как было принято в бывшей империи, а проще — на богатых и бедных. Предприимчивая физиономия и энергическая, быстрая походка ростовцев смущает жителей других городов, рождает тревожность. Ростовец не гуляет «за просто так», он идет по делу, даже если то маячит пока только в воображении. Но оно есть, оно подталкивает поторопиться. Даже дамы шагают уверенно, быстро. Именно местные барышни быстрее прочих эмансипировались — когда Первая мировая, а за ней и Гражданская, укоротили волосы и подолаы. Здесь все делают быстро и говорят громко. Речь тоже звучит иначе, с выразительным говорком. Это город, не

чинящийся и никому не спускающий резкого слова. Может быть, именно этим характером, не замирающей здесь и вечерами жизнью, скоростью речи можно объяснить ту сверхъестественную быстроту, с которой вспыхивают уличные беспорядки?

На ростовских улицах не зевай! Здесь ротозеев страсть как любят. Каждый город славен своими жуликами и душегубами. В Петербурге по-крупному работали аферисты. Москва известна громкими убийствами. А на юге, в Одессе и Ростове, под жарким солнцем, где хорошо родили синенькие и помидоры и бойко шла всякая торговля — процветали шулера, спекулянты и воры. Прославился Ростов фальшивомонетчиками, виртуозными делателями поддельных векселей, контрабандистами, ширмачами, самогонщиками, работой Соньки Золотой Ручки и международной гастролью варшавских воров, после которой «сейф необычайной надежности» в бронированном хранилище местного банка выпотрошили, как рыбу.

Бессчетное количество народу прибывало на заработки и уезжало по торговым делам. Заработать можно было в порту, на ссыпке хлеба. На табачных фабриках Кушнарера и Асмолова платили немного, 4 рубля, а женщинам-работницам и того меньше. Но настолько живо шло это движение, что даже полицейское управление, не имея возможности твердо определить численность населения, справлялось лишь

о рождаемости и смертности. Армия приезжих, бывало, ковала из простых рабочих новых мещан, а иногда и торговцев, сумевших уже так сколотить капитал, что мрамор для особняков везли из Италии. Большой же частью из этой армии верстались солдаты иного рода. В поиске более легкого заработка «босая команда» пополняла ряды воров. Как опухоль рос другой Ростов, со своими порядками. Его вотчиной были окраины и слободки. Селились там самовольно самостроем, в землянках и хибарах, из подручного материала сооружая хатки-мазанки и сараи. Та самая Бессовестная слободка заселялась беспорядочно без всяких разрешений. Как и Олимпиадовка — собственность офицерской жены Олимпиады Гурьевой. У той землю выкупил купец Панченко и продал участки рабочим и перекупщикам. Жили здесь скученно, тесно, купец свои участки нарезал не щедро. Горячий Край, Собачий хутор, Грабиловка, Нахаловка... Вместо «здрасьте» тут могли поприветствовать «ростовским кистенем» — гирей на цепочке.

На Богатыновке обитала «придонная аристократия». Сводни, «блатер-каины» — скупщики краденого и им подобные, причисляющие себя к воровской верхушке. Станным образом район этот был одним из самых спокойных в городе, несмотря на занятия жителей. Тут были устроены несколько совсем приличных за-

ведений — Еврейская больница, коммерческое училище. И здесь же стояла Мазовая академия, она же «дядина дача» — попросту тюрьма. Объяснялся парадокс просто. Ростовские мазурики жили по принципу британских джентльменов: мой дом — моя крепость. И придирчиво охраняли порядок, в своем понимании.

До семнадцатого года висело в Центральной почтово-телеграфной конторе такое объявление: «Просим публику остерегаться воров». Вздумай кто сейчас вывесить такое — его бы подняли на смех. После Гражданской большая часть ростовских блатных подалась в бандитские шайки. Первыми днями налеты шли под лозунгами «Грабь награбленное», а потом так — без политики, без громких слов, по-простому. Новая поросль вербуетя вот теперь уже и из таких беспризорников, как мой недолгий знакомый. Многие, растерявшись, ищут случая прибиться к какой-нибудь силе.

В начале НЭПа в городе и окрестностях орудовали несколько десятков банд. Вблизи крупных железнодорожных станций сезонных рабочих караулили «собачники». Жертву зазывали в кабак, угощали водкой со снотворным — «собачкой». Душили и обирали до нитки. В высокой траве легко скроется человек на лошади, от любой погони уходили бандиты, прозванные степными дьяволами. После небывало жестокого нападения на «болгарские огороды» 1-й Балтийской трудо-

вой артели сладкий перец на местном базаре долго называли не иначе как кровавым. Убиты и изувечены были восемнадцать рабочих артели. По числу преступлений Ростов в те годы уступал только Киеву. Бандиты с кличками на манер средневековых королей — такие как Ванька Медный, были отлично вооружены. И организованы гораздо лучше, чем милиция. По городу, как булочные, натканы явочные квартиры. Информацию банды получали от «красных шапок» — рассыльных, таких держат владельцы дорогих магазинов. Ситуация обострилась настолько, что в ноябре 1920 года был издан приказ: «В интересах скорейшего искоренения бандитизма как в городе Ростове-Нахичевани, так и округах — всех бандитов, которые пытаются совершить побег и скрыться, расстреливать на месте».

Вот так и выходит, что бандиты у нас новые. Уличные указатели тоже. Старые сохранились еще кое-где на домах — но улица уже Красноармейская. Упирается в Таганрогский проспект, тот чует новые ветра, которые дунут, приналягут, снесут и дадут ему новое, революционное большевистское имя. «Палас-отель», где стреляли в атамана Рябоконя. Но об этом думать не хочется. Еще дворы, липы, акации — наперерез мне чихающий мотор, и вот наконец длинное двухэтажное учреждение с краткой аббревиатурой по моде времени: Дон-УГРО.

В ДОН-УГРО

Прямо при входе в Донской уголовный розыск поехали на меня греческая богиня с довольно мускулистым торсом, амурчик с луком, чьи-то лица в рамах. Тащили снятые картины, лежавшие до этого в одной из пустующих, а теперь освобождаемых комнат — штат рос. Дон-УГРО обжился на новом месте. А 4-й райотдел милиции — самый большой участок в центре, включающий базар. При входе лозунг белыми буквами: «Мы никогда не спим!» Под ним на доске распоряжения и объявления: «Выдача мануфактурных пайков ком. 102». «Неделя ребенка» (вспомнив давешнего мальчишку-вора, я машинально потер ссадину на лбу) и прочее. Отогнут угол коричневого плаката — фигура с жезлом на фоне Большого театра, надпись на плакате утверждает, что это товарищ Троцкий — почетный милиционер. И рядом же от руки выведено крупно:

«Месячник борьбы с уголовным бандитизмом».

Ниже и мельче — привлечение воинских частей, патрулирование.

Идущая мимо женщина-конвойный посмеивается:

— С бандитизмом-то месяца не хватит.

Ниже рядом прицеплен листок из газеты «Трудовой Дон», заметку обвели черным грифелем:

«На Мало-Садовой улице в 8 часов вечера милиционерами завязана перестрелка с десятью неизвестными бандитами».

Тут же физиономия чернявого брюнета и текст «по данным Одесского губрозыска, в наш город выехал известный аферист, кличка Натан Херсонский». Указана и особая примета — золотой зуб.

У доски разговоры:

— Жалко, эх!

Это про перестрелку и погибших милиционеров. И тут же:

— Херсонский-то артист! Ювелирная работа, — читающий объявления тычет желтым от махорки пальцем в нос брюнету на доске. — Одному нэпману пообещал достать шевииот на костюмы феноменально дешево. Тот от жадности согласился. А ему все деньги в пакете заменили на резаную бумагу. И уж, конечно, никакого шевииоту.